

УДК 903.7

Д. Баяр

*Институт археологии АН Монголии
Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар-51,
Монгол Улсын
E-mail: bayarsuldus@yahoo.com*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ПАМЯТНИКЕ БИЛЬГЭ-КАГАНА

Введение

Культово-поминальные памятники характеризуют культуру древних тюрков в степном поясе Евразии. Огромный вклад в их изучение внесли российские ученые [Евтюхова, 1952; Гаврилова, 1965; Кызласов, 1969; Кубарев В.Д., 1979, 1984; Кубарев Г.В., 1991; Худяков, 1979, 1985, 1998; Могильников, 1981; Савинов, 1984; Войтов, 1987]. В.Д. Кубаревым сделана классификация алтайских поминальных оградок [1984, с. 50–51]. Только за последние 20 лет на Российском Алтае раскопано более 130 памятников древнетюркского времени [Кубарев, Цэвээндорж, 2002, с. 81–82]. Все эти исследования значительно обогатили наши знания о культуре древних тюрков, прояснили многие аспекты религиозных представлений кочевых народов.

Древнетюркские мемориальные комплексы в Хушо-Цайдаме, возведенные в честь высшей аристократии Восточно-Тюркского каганата, являются особо значимыми для археологии всей Центральной Азии. Эти памятники впервые были обнаружены и исследованы в 1889 г. русским ученым Н.М. Ядринцевым [1892], с которым связывают начало археологических изысканий на территории Монголии. Затем в 1890 г. в Хушо-Цайдаме работала финская экспедиция под руководством А.О. Гейкеля, ее главной целью было изучение письменных памятников [Heikel, 1892].

В 1891 г. Российская академия наук направила в Монголию комплексную Орхонскую экспедицию

под руководством акад. В.В. Радлова. Впервые было исследовано и описано большое количество ранее неизвестных археологических памятников, изданы такие колоссальные труды по археологии Монголии, как “Сборник трудов Орхонской экспедиции” и “Атласы древностей Монголии”, до сих пор не утратившие своего значения. Данная экспедиция впервые провела небольшие археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана, в результате которых были сделаны весьма важные выводы о том, что он является не местом погребения Бильгэ-кагана, а лишь поминальным памятником, где совершались ритуальные жертвоприношения в его честь [Радлов, Мелиоранский, 1897].

В 1896 или 1897 г. представителем цинского правительства в Северной Монголии, улясутайским цзяньцзюнем, были предприняты меры по охране стелы Кюль-Тегина. Памятник поставили на постамент, для чего использовали жертвенный камень, отколов от него часть. Также для защиты стелы от непогоды был построен павильон с черепичной крышей и тремя стенками [Котвич, 1914].

В 1909 г. французские исследователи во главе с В. де Лякостом сделали съемку местности и собрали богатый фотоматериал [Lacoste, 1911]. Ими было отмечено, что павильон над стелой уже значительно разрушен. На это обстоятельство обратил внимание последний маньчжурский амбань (губернатор) в Урге Сань-до, который построил новый павильон весной 1911 г. [Котвич, 1914].

В 1912 г. в Хушо-Цайдаме по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ра-

ботали В.Л. Котвич, К.А. Масков и Ц.Ж. Жамцарано. В.Л. Котвич производил раскопки крайнего с севера небольшого памятника, где на глубине 1,5 м обнаружил ямку с углем. Им же была “найдена одна незамеченная прежними путешественниками статуя” на мемориале Кюль-Тегина, которую вывезли в Санкт-Петербург [Котвич, 1915].

Д.Д. Букиннич, обследовавший в 1933–1934 гг. хушо-цайдамские памятники, провел небольшие раскопки на всех мемориалах этой группы. Хотя он и не обнаружил находок, но сделал весьма важное наблюдение. Он убедился в том, что два северных небольших памятника, которые В.В. Радлов считал могилами Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, являются поминальными памятниками представителей древнетюркской аристократии, имена которых не сохранились*.

В 1935 г. по инициативе известного писателя, основоположника новой монгольской литературы Д. Нацагдоржа были построены деревянные здания с целью охраны памятных стел Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, а также памятника Тоньюкука в Налайхе, к которым были приставлены специально назначенные охранники [Очир, Дашням, 1996].

В 1958 г. совместная Монголо-Чехословацкая экспедиция под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава развернула в Хушо-Цайдаме более широкомасштабные, чем предыдущие, археологические раскопки. В результате были выяснены устройство и конструкция поминальных памятников высшей знати древнетюркского общества [Jisl, 1960; Сэр-Оджав, 1970].

В 1970-х гг. по инициативе Академии наук Монголии вокруг памятников Хушо-Цайдама и мемориального комплекса Тоньюкука поставили железные ограды.

Хотя с тех пор в Хушо-Цайдаме больше не проводились какие-либо археологические раскопки, но все же исследования этих знаменитых памятников не прерывались. Так, в 1980-х гг. здесь неоднократно работали отдельные отряды Монголо-Советской историко-культурной экспедиции, в результате было опубликовано немало научных трудов, посвященных детальному изучению мемориальных памятников древних тюрков, в т.ч. монографии по систематизации и типологии княжеских мемориалов Монголии [Войтов, 1996] и каменных изваяний Центральной Монголии [Баяр, 1997].

В течение 1996–1998 гг. полевой отряд совместной Монголо-Японской экспедиции провел ряд исследований в рамках проекта “Эпиграфика”. Кроме ревизии эпиграфических памятников, были выполнены работы по измерению расстояний между памятниками,

протяженности цепи балбалов, проведены съемки памятников с воздуха, составлен топографический план [Provisional report..., 1999].

С началом реализации в 1997 г. совместного монголо-турецкого проекта по изучению, охране, консервации и реставрации некоторых древнетюркских памятников на территории Монголии началась новая эра в исследовании хушо-цайдамских мемориальных комплексов. Данный проект осуществлялся полевой экспедицией в составе археологического, эпиграфического, топографического, геофизического, фотограмметрического отрядов и группы по реставрации и консервации памятников. Первой задачей были съемка топографического плана Хушо-Цайдама и геомагнитные исследования на каждом памятнике. Также проводились лабораторные анализы проб, взятых из каменных стел с надписями и каменных скульптур [Moğolistan'..., 2001, 2002, 2003]. С 2000 г. археологический отряд Монголо-Турецкой экспедиции начал раскопки на мемориале Бильгэ-кагана и на ранее неизвестном поминальном памятнике, расположенном недалеко от мемориального комплекса Кюль-Тегина. Этот новый памятник состоял из четырех плит с изображением двух фениксов, стоящих друг против друга. В процессе раскопок были обнаружены миниатюрная золотая тарелка и предмет, похожий на ложку [Энхтур, 2003, с. 87].

Исследуемая группа памятников Хушо-Цайдама находится в Хангайском районе, расположенном в пределах Хангайско-Хэнтэйской горной системы. Особенность этого региона состоит в том, что от главного Хангайского хребта отходят многочисленные горные хребты и здесь уплотненная наземная водная сеть, а также немало подземных вод, вследствие чего хорошо развит почвенный покров. Орхоно-Селенгинский бассейн издавна считается главным районом земледелия в Монголии [Монгол орны..., 1969, с. 345]. Такие благоприятные природно-географические условия способствовали тому, что именно этот район был издревле освоен ранними обществами, поэтому здесь много памятников материальной культуры различных эпох. Так, вдоль бассейна Орхона расположены многочисленные палеолитические стоянки, в т.ч. Мойлтын-ам, Орхон-7, крупные могильники бронзового и раннежелезного веков Тэмээн-чулууны-ам и Шунхлай, такие значительные памятники древности, как столицы древнейтюркского государства Хара-Балгасун и великого Монгольского государства Каракорум, и многие другие.

Группа памятников в Хушо-Цайдаме, представляющая эпоху наибольшего могущества и упадка Восточно-Тюркского каганата, известна во всем мире. Благодаря открытию именно этих памятников удалось расшифровать руническую письменность древних тюрков, что стало толчком для резкого подъема тюркологической науки во всем мире. Но вместе с тем нуж-

* Букиннич Д.Д. Общий отчет по археологическим работам за 1933 и 1934 год. – Архив Института археологии АН Монголии. Ф. 9, Т. 11, кн. 23.

но отметить, что в течение более чем столетнего изучения хушо-цайдамских древностей главное внимание уделялось письменным памятникам, а более углубленные археологические исследования кульгово-поминальных комплексов всегда отставали. Исследователи неоднократно отмечали, что “постановка широких и планомерных археологических раскопок на этих памятниках даст много ценнейших сведений об устройстве различных элементов данных комплексов и послужит основой для определений и реконструкций других кульгово-поминальных памятников тюрков” [Войтов, 1985, с. 133]. Ученые также обращали внимание на необходимость охраны памятников от воздействия природных и антропогенных факторов [Tuyjarski, 1966, 1971].

В данной статье представлен краткий итог работ совместной Монголо-Турецкой экспедиции, которая занимается исследованием мемориального памятника Бильгэ-кагана с 2000 г., в т.ч. новые данные, полученные в результате раскопок, и описание находок, обнаруженных в полевой сезон 2001 г.*

Поминальный памятник Бильгэ-кагана

Хушо-цайдамские памятники находятся на левом берегу р. Кокшин-Орхона, левого притока Орхона, в юго-западной части долины Цайдамских озер. На южной окраине Хушо-Цайдама расположен поминальный комплекс Бильгэ-кагана (координаты: 47° 33', 443" с.ш., 102° 50', 196" в.д.), крупнейший среди всех кульгово-поминальных памятников древних тюрков. К северу от него находится мемориал Кюль-Тегина и далее еще два малых княжеских поминальных комплекса, которые не имеют стел с надписями. В научной литературе эти четыре памятника обозначались соответственно как Хушо-Цайдам-1, 2, 3 и 4 [Войтов, 1986].

В процессе новейших исследований выяснилось, что в районе Хушо-Цайдама помимо указанных четырех расположены еще пять памятников [Баяр и др., 2003, с. 77]. Все они безымянные и в научной документации проекта значатся под порядковыми номерами 3–7 (1, 2 – безымянные памятники, ранее называвшиеся Хушо-Цайдам-3 и 4).

* В археологических раскопках 2001 г. участвовали: с монгольской стороны – Д. Баяр (руководитель археологических исследований), научные сотрудники Ч. Амаргүвшин, А. Энхтур, Ж. Гэрэлбадрах; с турецкой стороны – С. Гомеч (научный руководитель проекта), Х. Бахар (руководитель археологических исследований), научные сотрудники С. Чечен, Г. Карагуз, Р. Кузуоглу, Л.Г. Гокчек, Г.М. Бозкуртлар. Полный состав участников каждой партии и подробный отчет о работе экспедиции опубликованы [Moğolistan'..., 2002, 2003].

Два из семи памятников, не имеющих посвященных стел, представляют собой четырехплитовый ящик с орнаментом, а остальные – т.н. рядовые оградки без украшений. Кроме того, нужно отметить, что на мемориале Бильгэ-кагана рядом с жертвенным камнем кубической формы был обнаружен четырехплитовый каменный ящик с растительным орнаментом, по-видимому входящий в состав этого комплекса.

Поминальный памятник Бильгэ-кагана перед раскопками представлял собой заросшую растительностью плоскую возвышенность подчетыреугольной формы приблизительно 90 × 60 м, ориентированную в широтном направлении. Разрушенные остатки этого комплекса были покрыты слоем наносного песка, местами достигавшим в толщину 1 м. В восточной части памятника находилась железная четырехугольная ограда 12 × 15 м, внутри которой лежала разломленная натрое большая стела с руническими и китайскими письменами. Около нее выделялась на земле полусасыпанная верхняя часть спины белой мраморной черепахи, служившей постаментом для стелы. Там же были и изваяния из белого мрамора, изображающие, по мнению исследователей, самого Бильгэ-кагана и его супругу, а также маленькое скульптурное изображение сидящего человека, по-видимому одного из слуг, выполненное из синеватого мрамора, и сильно поврежденное туловище скульптуры льва из того же материала. Снаружи ограды лежало еще одно каменное изваяние в виде стоящего мужчины с длинным мечом на боку. К западу от центральной части комплекса находился сильно занесенный землей большой каменный блок кубической формы с отверстием в центре.

Геодезической партией экспедиции была сделана топографическая съемка местности, охватывающая площадь в 20 км². Для проведения раскопочных работ всю территорию разделили на квадраты размером 10 × 10 м. По центру поминального комплекса Бильгэ-кагана был заложен раскоп 10 × 70 м, ориентированный с востока на запад. Его площадь охватывала все главные элементы памятника: вход в комплекс, постамент для стелы в виде черепахи, остатки поминального храма и большой жертвенный камень с отверстием в центре (рис. 1).

Вал и ров. Кульгово-поминальный памятник Бильгэ-кагана был окружен глинобитным валом подчетыреугольных очертаний, ныне расплывшимся и потерявшим свою первоначальную форму, и рвом. То, что исследователи принимали ранее за вал, оказалось остатками выброса земли из рва. Экспедиции удалось в четырех местах выявить остатки основания вала и установить не только первоначальную толщину последнего, но и размеры сторон, которые составляли 72 и 36 м. Это свидетельствует о том, что памятник Бильгэ-кагана занимал большую площадь, чем мемориал Кюль-Тегина.

Рис. 1. Общий вид раскопок.

Вокруг вала на расстоянии 6 м от него находился ров шириной 6 м, глубиной ок. 2 м. В пробных траншеях, сделанных на некоторых его участках, не были обнаружены крепления из бревен, как на памятнике Кюль-Тегина. В разрыве рва с восточной стороны комплекса зафиксированы остатки вымощенной кирпичами площадки.

Очень интересной находкой являются довольно крупные обломки большого керамического сосуда со штампованным и наlepным узорами, найденные в 2003 г. внутри рва, в северной его части. Штампованный орнамент из ромбиков аналогичен таковому на керамике из Орду-Балыка и других уйгурских памятников [Худяков, Цэвээндорж, 1982] (рис. 2).

Между валом и рвом были зачищены девять сломанных балбалов, лежавших, очевидно, там, где они стояли изначально примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Основание одного из них сохранилось на своем первоначальном месте. Еще два балбала, находившиеся вдоль северной стены комплекса, были заметны до раскопок. По всей вероятности, балбалы окружали вал. На некоторых из них были тамги.

Одной из замечательных находок экспедиции является черепица кровли, на внешней поверхности которой имеется рисунок, выполненный черной краской: изображение трех всадников, один из них стреляет на скаку. Эта черепица не имеет аналогов среди материалов памятников древнетюркского времени. Она была найдена на остатке вала в юго-восточной части комплекса (рис. 3).

Всю площадь внутри вала можно разделить на три основные части: входную – со стелой на спине каменной черепахи, центральную – с поминальным храмом, западную – с жертвенным камнем кубической формы.

Входная часть. С восточной стороны комплекса имеется разрыв вала и рва, обозначающий вход. Были ли здесь ворота, выяснить не удалось. При входе, снаружи вала, находились две каменные фигуры баранов без голов (рис. 4), которые были обнаружены еще в 1891 г., во время раскопок В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского. Здесь следует отметить, что размеры фигур, указанные в трудах Орхонской экспедиции, расходятся с нашими.

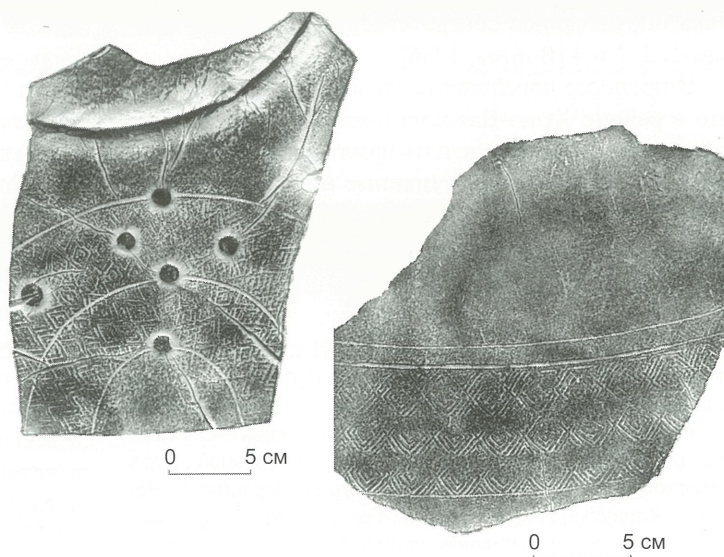

Рис. 2. Фрагменты большого орнаментированного сосуда.

Рис. 3. Черепица с рисунком.

В 8 м к западу от каменных фигур баранов находился постамент стелы, выполненный в виде черепахи из белого крупнозернистого и непрочного мрамора. Скульптура была без головы и посередине имела косую трещину, возникшую при падении почти четырехметровой стелы. Каменная черепаха, размером $234 \times 154 \times 72$ см была ориентирована головой на запад, т.е. в сторону поминального храма. Тут нужно отметить, что постамент стелы и жертвенный камень находились на одной линии, идущей строго по центру всего комплекса. Это свидетельствует о том, что они сохранили свое первоначальное положение в течение почти 1300-летней истории существования данного памятника.

Как показывают раскопки, постамент в виде черепахи стоял на глиняной платформе высотой 40 см, обрамленной кирпичной кладкой (рис. 5). По краю этой платформы зафиксирована довольно широкая красная полоса, по-видимому, следы кирпичей. Кроме того, вокруг нее в большом количестве были найдены разбитые черепицы, серая глиняная масса вперемешку с красноватой глиной и обломки известковой штукатурки с красной краской на одной стороне. Все это свидетельствует о том, что на платформе стояло какое-то кирпичное здание, оштукатуренное и окрашенное красной краской, с черепичной крышей, в отличие от памятника Кюль-Тегина, где был павильон на четырех деревянных столбах. Внутри этого здания была помещена стела на постаменте. Из-под платформы выступала водосточная труба, направленная в сторону восточной части рва. Огражденная глинобитным валом площадь поминального комплекса была вымощена кирпичами размером 32×32 см, точно так же, как на памятнике Кюль-Тегина. Они частично сохранились в первоначальном виде только у восточного края описанной платформы. Зато глиняное основание толщиной ок. 5 см, на котором закреплялись эти кирпичи, заметно на всем пространстве внутри вала.

В процессе раскопок в восточной части поминального комплекса были обнаружены остатки деревянного здания размером 4×4 м, построенного в 1930-х гг. с целью охраны стелы Бильгэ-кагана.

Рис. 4. Один из каменных баранов у входа.

Рис. 5. Глиняная платформа под постаментом стелы.

Центральная часть. Из публикации Орхонской экспедиции 1891 г. следовало, что поминальный храм находился в центральной части комплекса. В процессе наших раскопок было установлено: данное здание полностью разрушено и от его стен не сохранилось даже следов. На разрезе траншеи, проложенной с востока на запад на всю длину комплекса, проступало очертание платформы высотой 80–100 см, на которой стоял поминальный храм, посвященный Бильгэ-кагану. Цоколь был закреплен по краям кирпичной кладкой, о чем свидетельствуют частично сохранившиеся кирпичи. Об этом также упоминал В.В. Радлов [Радлов, Мелиоранский, 1897]. Размеры платформы (16×16 м) указывают, что поминальный храм Бильгэ-кагана был больше, чем храм Кюль-Тегина (10×10 м), стоявший на таком же цоколе, но размером 13×13 м. На платформе обнаружены четыре каменные базы для установки колонн.

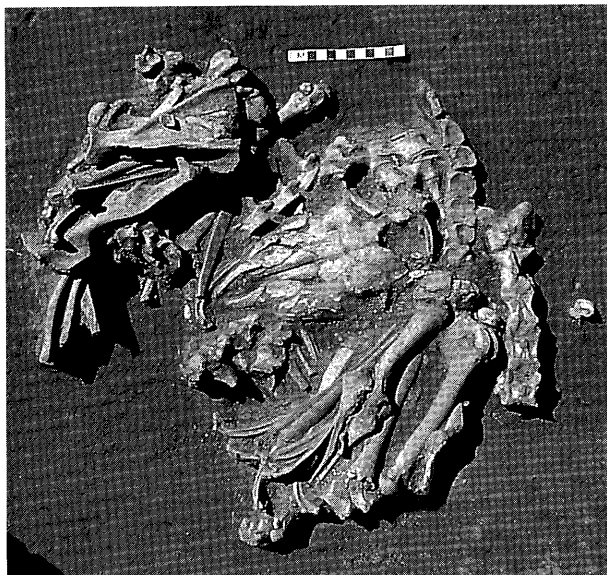

Рис. 6. Кости жертвенного барана.

Вокруг цоколя на довольно большой площади был толстый слой разбитых черепиц, погребенных под столь же толстым слоем глины от стен здания.

Одной из интереснейших находок являются кости целой туши барана. Они были найдены в 19 м к западу от стелы, на одной линии с каменной черепахой и жертвенным камнем, на площадке перед храмом, в 4 м к востоку от него, на глубине 62 см. Кости лежали не на блюде, как в алтайских оградках [Кубарев В.Д., 1984, с. 55–56], а прямо на земле (рис. 6). Они располагались следующим образом: снизу кости конечностей, над ними основная часть скелета и на самом верху череп. Это в точности соответствует порядку расположения частей туши жертвенного животного, наблюдаемому у монгольских скотоводов этнографического времени, что указывает на принадлежность данных костей барану, принесенному в жертву в честь поминал Бильгэ-кагана. Однако время жертвоприношения не совсем ясно. Если бы оно было совершено при постройке поминального храма или в период его функционирования, то кости находились бы под обломками разрушенного здания. Но они обнаружены над слоем обломков черепицы, что указывает на совершение жертвоприношения после разрушения храма. Это является свидетельством того, что традиция проведения здесь данного обряда не прерывалась в течение длительного времени.

На одном участке перед храмовой площадкой была найдена верхняя часть изваяния без головы, выполненного из беловатого камня. Оно сохранилось не на своем первоначальном месте.

Следует отметить, что на всей площади данного памятника не обнаружено сколько-нибудь значительного количества кирпичей от здания. Вероятно, все

кирпичи, оставшиеся целыми, были разобраны вскоре после разрушения поминального комплекса и использованы в других целях.

По конструкции и внешнему виду храм Бильгэ-кагана, по-видимому, был аналогичен храму Кюль-Тегина, сохранившемуся несколько лучше. Он был, вероятно, богато украшен различными архитектурными деталями. Внутри поминального храма, очевидно, стояли каменные фигуры Бильгэ-кагана и его супруги Пофу, а также находились многочисленные атрибуты жертвенных церемоний.

Западная часть. Здесь расположен большой гранитный блок (240 × 228 × 130 см) в виде куба с круглым отверстием в центре. Такие каменные блоки имеются только на поминальных памятниках Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина. Исследователи по-разному объясняли их назначение и в конце концов пришли к единому выводу, что это жертвенные алтари. Отверстие в центре блока на памятнике Бильгэ-кагана оказалось сквозным. В.В. Радлов считал, что это лишь круглое углубление [Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 2–3]. При расчистке отверстия в нем обнаружено большое скопление костей животных, свидетельствующее о жертвенном характере данного объекта. Там также был найден небольшой обломок каменной стелы с руническими знаками.

При раскопках вокруг жертвенного камня зафиксированы зольные и угольные пятна, обожженная до черноты земля. Также были найдены отдельные кости животных, среди которых оказался лошадиный череп. Весьма интересной находкой в этом раскопе является четырехплитовый ящик с растительным орнаментом, находившийся в 170 см к северу от жертвенного камня. Его размеры 160 × 130 см. Все плиты сильно повреждены: у северной отбиты два верхних угла, у остальных трех верхняя часть как бы прямо срезана по длине. На наружной поверхности каждой плиты орнамент в виде розетки. К востоку от каменного ящика зафиксировано скопление камней, которые, по-видимому, были выброшены из него. При раскопках внутри этой оградки кроме остатков строительного материала и небольшого числа костей животных ничего не было найдено. Вокруг каменного ящика обнаружен тонкий слой глины, служивший основой для кирпичей, которыми была вымощена вся площадь, ограниченная валом. Основания плит находились ниже уровня этого слоя, в то время как жертвенный камень стоял на нем. Данное обстоятельство, возможно, указывает на то, что они были установлены не одновременно.

Клад ценных вещей. В ходе раскопок между жертвенным камнем кубической формы и четырехплитовым ящиком на глубине 103 см от нулевой отметки (ок. 30 см от современной поверхности земли) были найдены восемь серебряных бляшек в виде восьмилепестковой розетки и часть какого-то метал-

лического предмета. Земля вокруг них была прокалена до красноты и резко выделялась на фоне естественного грунта. При расчистке первого слоя и углубления раскопа резко возросло число находок и стало ясно, что в этом месте зарыт клад, состоящий из большого количества ценных вещей. После совещания членов совместной экспедиции было решено изъять его целиком вместе с грунтом, перенести в помещение и продолжить расчистку в более удобных и безопасных условиях (рис. 7).

Размеры этого скопления ценных вещей примерно $40 \times 80 \times 30$ см. При снятии первого слоя были выявлены 61 серебряная бляшка, 5 обломков железного предмета, 22 серебряных шарика. При зачистке каждого пятисантиметрового слоя делались фотоснимки, все находки были расчищены, описаны и зарегистрированы. Клад содержал 1878 серебряных предметов 17 типов, 78 золотых вещей 20 типов, 26 драгоценных камней 6 типов и 304 бронзовых гвоздя.

Особо интересна золотая диадема (рис. 8), которая была найдена среди других золотых вещей, завернутых в кусок шелка желтоватого цвета. Она сделана из тонкого листа золота способом чеканки, украшена растительным орнаментом и инкрустацией из драгоценных камней, найденных отдельно. На передней стороне диадемы имеется изображение сидящей птицы с распластанными крыльями, аналогичное тому, которое было на головном уборе изваяния Кюль-Тегина [Сэр-Оджав, 1959; Ермоленко, 1998]. Голова птицы выполнена отдельно способом отливки и прикреплена с помощью двух заклепок. В клюве тонкая золотая нить, на которой висит розовато-красный драгоценный камень. По всей вероятности, первоначально здесь были два камня, т.к. найден еще один камень аналогичной формы с просверленным отверстием, но светлого цвета. Золотая диадема была сомкнута, очевидно, ее намеренно испортили. Факты преднамеренной порчи вещей, предназначенных покойнику, неоднократно наблюдались в практике погребальных и поминальных обрядов центрально-азиатских и сибирских народов [Семейная обрядность..., 1980, с. 94, 99, 105, 111, 132–133, 152, 163].

Также были обнаружены две очень реалистично выполненные серебряные фигурки оленей с ветвистыми рогами (рис. 9). Одна из них хорошо сохранилась, другая повреждена под воздействием сильного огня, остались только голова с шеей и фрагменты трех ног. На поверхности фигур хорошо заметны тонкие гравированные линии, обозначающие шерсть, и растительный орнамент в виде листьев, сохранились следы золочения. Под копытами выделены специальные шипы, с помощью которых фигурки закреплялись на какой-то поверхности.

Большой интерес представляют маленькие золотые и серебряные сосуды, предназначенные, по-видимому,

для жертвоприношения (рис. 10). Внутри одного из них (серебряного) были найдены 14 драгоценных камней. Всего имеются 11 сосудов: пять золотых и шесть серебряных. Часть из них с круглым туловом и отогнутым венчиком, одни имеют ручки в виде кольца, другие – длинные горизонтальные ручки, припаянные к тулову (рис. 11). Также есть кубки цилиндрической формы со слегка вогнутой стенкой (рис. 12). Высота сосудов от 3,3 до 6,55 см. Некоторые из них по своей форме напоминают золотые и серебряные сосуды, обнаруженные на таких известных и хорошо датированных памятниках, как Курай, Туяхта [Киселев, 1949, табл. ЛП, рис. 4, 5], Юстыд I [Кубарев В.Д., 1979, рис. 8], Юстыд XII, Балык-Соок I [Кубарев В.Д., Баяр, 2002, рис. 13] и Копёнский чаатас [Киселев, 1949, табл. LV, рис. 3]. Имеются и небольшие золотые тарелки. Особый интерес вызывают золотой и серебряный кувшины с высоким тонким горлом, верхняя часть которого сделана в виде головы птицы (рис. 13). Высота их соответственно 12,3 и 15,6 см. Аналогичный по форме сосуд имеется среди керамических изделий периода династии Тан [L'Asie des steppes..., 2000, p. 168].

Самые многочисленные находки (1822 шт.) – серебряные бляшки в виде восьмилепестковой розетки, выполненные способом штамповки (рис. 14). Часть из них имеет по краям отверстия для гвоздя. Остальные прикреплялись к чему-нибудь способом пайки. Тонких золотых ажурных бляшек в виде цветочного орнамента 48.

Также найдены золотые и серебряные поясные украшения: пряжка, бляхи-оправы, наконечники ремня. Среди ценных вещей были две золотые серьги, имеющие типичную форму древнетюркских украшений такого рода (рис. 15), два золотых кольца, золотые шпильки, связанные между собой тонкой цепочкой.

Кроме перечисленных вещей, сохранившихся целыми, есть значительное количество предметов, сильно испорченных, потерявших свою первоначальную форму, вследствие чего трудно определить их назначение. Среди них довольно много больших серебряных листов, которые разорваны и сомкнуты специально, по краям некоторых из них сохранились украшения в виде восьмилепестковых розеток, закрепленных способом пайки. У части серебряных листов на одном конце есть железный стержень, по-видимому предназначенный для дверных петель. Среди вещей также имеются две железные дверные ручки, обернутые тонким листовым серебром (рис. 16). Большой интерес вызывают две находки, возможно представляющие один предмет. Это квадратная серебряная пластина с круглым отверстием в центре и многочисленными дырочками вокруг него и по краям пластины, по-видимому для гвоздей,

Рис. 7. Большой жертвенный камень с отверстием в центре и четырехплитовый ящик, между которыми клад ценных вещей, готовый к транспортировке.

Рис. 10. Золотые сосуды.

Рис. 8. Золотая диадема Бильгэ-кагана.

Рис. 11. Серебряный сосуд с горизонтальной ручкой.

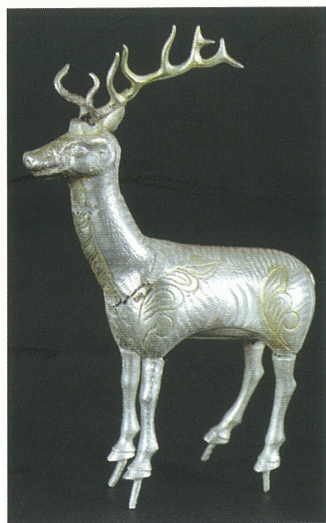

Рис. 9. Серебряная фигурка оленя.

Рис. 12. Серебряный кубок.

Рис. 13. Серебряный кувшин с высоким тонким горлом, верхняя часть которого сделана в виде птичьей головы.

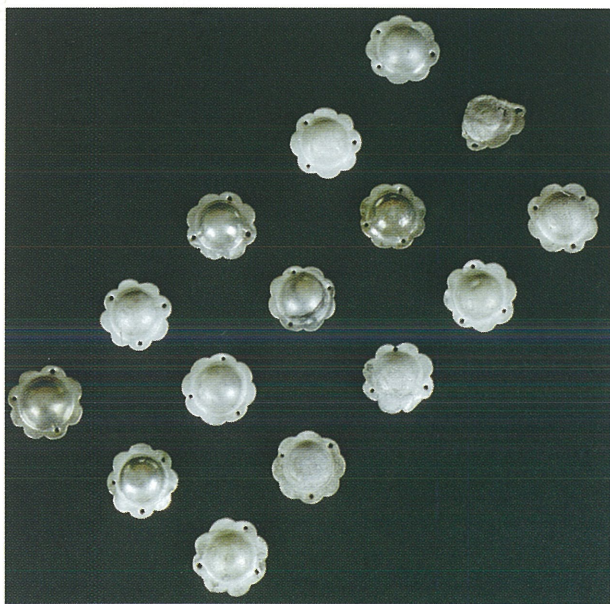

Рис. 14. Серебряные бляшки в виде восьмилепестковых розеток.

и цилиндр из завернутой золотой пластины также с отверстиями, число которых на одном конце совпадает с количеством дырочек вокруг большого круглого отверстия в центре серебряной пластины. Можно предположить, что многие из этих вещей,

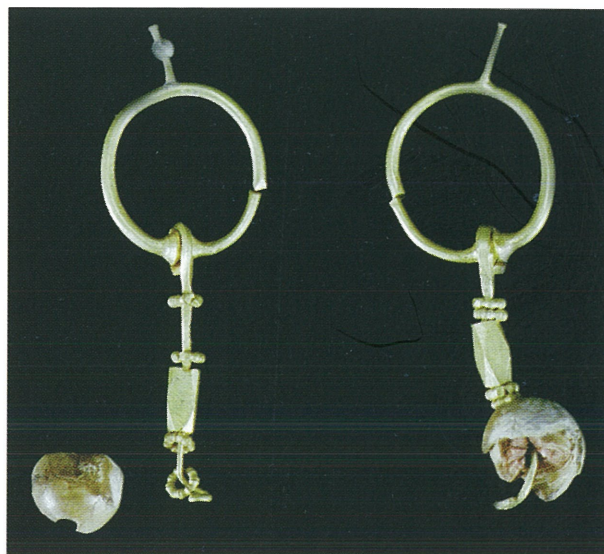

Рис. 15. Золотые серьги.

Рис. 16. Дверная ручка (железо и серебро).

особенно большие серебряные листы, являются различными деталями архитектурного декора, украшавшего поминальный храм Бильгэ-кагана, а также предметами, предназначенными для ритуала жертвоприношения.

Заключение

Мемориальный комплекс в честь Бильгэ-кагана является наиболее крупным из памятников, посвященных представителям высшего аристократического слоя эпохи Второго Древнетюркского каганата. По классификации В.Е. Войтова, сделанной на материале 87 княжеских культово-поминальных памятников Монголии, данный комплекс относится к варианту I–Б-б. Памятники этого типа отличаются наибольшей полнотой структурных элементов и более крупными размерами [Войтов, 1996, с. 31].

В результате новейших исследований поминального комплекса Бильгэ-кагана были получены дополнительные сведения о структуре и конструкции подобных памятников. Удалось установить его первоначальные размеры и тем самым доказать, что этот комплекс наиболее крупный среди такого рода памятников.

По мнению ряда исследователей, каменные блоки кубической формы, имеющиеся только на мемориалах Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, заменяли поминальную оградку или ящик [Jisl, 1997, p. 61]. Но в результате наших исследований выяснилось, что на памятнике Бильгэ-кагана есть и жертвенный камень, и каменный ящик, состоящий из четырех орнаментированных плит. Это напоминает мемориал Тоньюкука, где имеются два установленных рядом четырехплитовых поминальных ящика.

Также стало ясно, что стела на постаменте в виде каменной черепахи находилась внутри кирпичного здания с черепичной кровлей, которое стояло на глиняной платформе.

При раскопках на месте поминального храма обнаружено несколько фрагментов концевых дисков кровли, их декор значительно отличается от орнамента на подобных деталях памятника Кюль-Тегина. Размеры платформы, на которой стоял храм, указывают на то, что он был больше, чем поминальный храм Кюль-Тегина.

Обнаружены доказательства того, что поминальные церемонии в честь Бильгэ-кагана продолжались в течение длительного времени после разрушения данного комплекса. В этой связи несомненный интерес вызывает мнение С.Г. Кляшторного, который писал: “Возможно, тюрки после миграции уйгуров в Восточный Туркестан вновь заняли свои прежние территории, хотя бы и на правах вассалов кыргызского хана, и частично восстановили свои старые святилища” [1964, с. 58–59]. Кроме того, имеются сведения о том, что “во время Хубилая (1260–1294) памятник Кюль-Тегину был хорошо известен; по крайней мере он отмечается как одна из достопримечательностей вблизи построенного Угэдэем (1228–1241) города Хорина” [Там же].

Во время полевых исследований 2001 г. на площадке между жертвенным камнем и четырехплитовым ящиком был найден клад ценных вещей, случайно сохранившийся в течение почти 1300-летней истории данного комплекса. И эта находка дает полное представление о богатстве и красоте поминальных памятников древнетюркской знати.

В тексте на памятной стеле Бильгэ-кагана говорится, что во время поминальной церемонии пришло множество представителей различных племен и народов и “безмерное количество золота и серебра они принесли. Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандаловое дерево...” [Малов, 1959, с. 23]. И все эти драгоценные вещи, вероятно, были помещены внутри храма специально для исполнения поминальных церемоний.

Археологические материалы показывают, что поминальный комплекс, построенный в честь Бильгэ-кагана, был грандиозным сооружением с богатым архитектурным декором, в котором использовались украшения из драгоценного металла. Внутри храма помещались кроме каменных изображений кагана и его супруги различные принадлежности, сделанные из золота и серебра. Вероятно, для охраны всех этих богатств, а также для проведения ритуальных церемоний назначались специальные люди.

Живым примером являются ежегодные поминальные церемонии в культе Чингисхана, которые до сих пор совершаются в Ордосе с соблюдением всех деталей древних традиций [Потанин, 1895; Жамцарано, 1961; Дылыков, 1958; Сайнжаргал, Шаралдай, 1983; Sagaster, 1993; Хэрээд, Шаралдай, 1999; Chiodo, 2001–2002]. На наш взгляд, этот культ впитал в себя многие элементы из еще более древних религиозных представлений центрально-азиатских кочевников. Согласно твердо установленному порядку, Ордосское святилище в течение многих сотен лет охраняется специальным сословием людей – “дархад”, которые также несут ответственность за беспрекословное выполнение всех ритуалов поминовений и жертвоприношений, совершаемых ежемесячно. Название “дархад” является формой множественного числа монгольского слова “дархан” или “тархан” – титул человека, освобожденного от всех государственных повинностей и ответственного только за порученное ему дело. В древние времена такие люди совершали ежегодные поездки по всем землям, где живут монголы, чтобы собрать подать для жертвоприношения Чингисхану. В этой связи небезынтересно отметить, что подобный термин существовал и во времена великого Монгольского государства в XIII в., и в древнетюркскую эпоху. Как отмечают исследователи, «под этим термином мы подразумеваем “сборщиков податей” во времена древних тюрков, возможно дани» [Бернштам, 1946, с. 113].

В Ордосском святилище, именуемом “Восемь белых юрт Чингисхана”, сохранились реликвии, принадлежавшие самому Чингисхану, такие как белое и черное знамена, седло, меч, лук и стрелы, золотые и серебряные сосуды, музыкальные инструменты, священные книги с гимнами и благопожеланиями [Хэрээд, Шаралдай, 1999].

Посвященные Чингисхану поминальные церемонии, которые впервые были узаконены во времена Хубилая, совершаются четыре раза в год: 1) 3-го числа первого зимнего месяца в третий день рождения Чингиса; 2) 21-го числа третьего весеннего месяца – первое чистое молоко кобылиц посвящается *тэнгриям* (божествам); 3) 15-го числа второго летнего месяца, в начале доения кобылиц; 4) 20-го числа среднего осеннего месяца, когда прекращают доить кобылиц и отпускают на волю жеребят [Жамцарано, 1961, с. 195–196]. Кроме того, ежемесячно совершаются малые церемонии. Самой значительной является “церемония белого стада весны”, во время которой осуществляется жертвоприношение предкам, называемое “гарил” [Къёдо, 1993]. Действия, совершаемые при исполнении гарила, поразительно похожи на поминальные ритуалы древнетюркского времени, реконструируемые благодаря археологическим исследованиям. В этих ритуальных действиях обращают на себя внимание такие моменты, как выбор жертвенных животных (овцы и лошади), приезд на место жертвоприношения, разведение костра и сжигание очищенных от мяса костей, выплескивание молочной водки и кумыса в огонь, раздача мяса участникам церемонии, исполнение гимна “на языке богов” и очень быстрое возвращение назад без оглядки.

Что касается преднамеренно зарытого клада ценных вещей, то это обстоятельство можно объяснить исторической и политической ситуацией тех времен. Мемориальный комплекс Бильгэ-кагана был основан в 735 г. Через десять лет, в 745 г., Восточно-Тюркский каганат пал под ударами объединенных войск уйгуров, басмылов и карлуков [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 28]. Победители основательно разрушили святилища своих врагов, что подтверждается состоянием древнетюркских археологических памятников [Jisl, 1960, с. 109; Кляшторный, 1964, с. 59; Гумилев, 1967, с. 367]. И мы предполагаем, что в те трудные для древних тюрок времена, когда враг приближался, верная стража предприняла все попытки спасти ценные реликвии своего властелина: поспешно были собраны драгоценности, сорваны архитектурные украшения и все вместе зарыты в землю. Эти зарытые вещи остались незамеченными под толстым слоем обломков обрушившегося здания и сохранились до наших дней.

Список литературы

- Баяр Д.** Монголын төв нутаг дахь түрэгийн хүн чулуу [Древнетюркские изваяния Центральной Монголии]. – Улаанбаатар: ADMON, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д., Энхтур А., Гэрэлбадрах Ж., Амартүвшин Ч.** Билгэ хааны тахилын онгоны судалгаа [Исследование мемориального комплекса Бильгэ-кагана] // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: “Жинст харгана” ХХК, 2003. – С. 75–83 (на монг. яз.). – (Studia Archaeologica; Т. 21, f. 8).
- Бернштам А.Н.** Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков: Восточнотюркский каганат и кыргызы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.
- Войтов В.Е.** Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 114–136.
- Войтов В.Е.** Археологические исследования Б.Я. Владимировца и новые открытия в Монголии // MONGOLICA. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимировца (1884–1931). – М.: Наука, 1986. – С. 118–136.
- Войтов В.Е.** Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987. – С. 92–109.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. Музей Востока, 1996. – 152 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Гумилев Л.Н.** Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 502 с.
- Дылыков С.Д.** Эджэн-Хоро // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимировца. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 228–274.
- Жамцарано Ц.** Культ Чингиса в Ордоце // Central Asiatic Journal. – 1961. – Vol. 6, N 3. – P. 194–234.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н.** Еще раз о голове Кюль-Тегина // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово, 1998. – С. 96–97.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с.
- Котвич В.Л.** В Хушо Цайдаме // Тр. Троицко-Кяхтинского отд. Рус. геогр. об-ва. – 1914. – Т. 15, вып. 1. – С. 50–54.
- Котвич В.Л.** Поездка в долину Орхона летом 1912 года // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. – 1915. – Т. 22. – С. 5–7.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

- Кубарев В.Д., Баяр Д.** Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 74–85.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 76–95.
- Кубарев Г.В.** Новые данные по древним тюркам Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Регион. археол. студ. конф.: Кратк. содерж. докл. – Красноярск, 1991. – Т. 2. – С. 60–61.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.
- Кьёдо Э.** Гарил: жертвоприношение предкам в культуре Чингисхана // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 97–102.
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43. – (Археология СССР).
- Монгол орны физик газар зүй** [Физическая география Монголии] / Ред. акад. Ш. Цэгмид. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Газар, 1969. – 405 с. (на монг. яз.).
- Очир А., Дашням Г. Д.** Нацагдорж: нийгэм, улс төр, эрдэм судлалын үйлс, амьдрал [Д. Нацагдорж: его жизнь, общественная, политическая и научная деятельность]. – Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн, 1996. – 190 с. (на монг. яз.).
- Потанин Г.Н.** Поминки по Чингис-хане // Изв. Импер. Рус. геогр. об-ва. – 1895. – Т. 21. – С. 303–315.
- Радлов В.В., Мелиоранский П.М.** Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. тр. Орхонской экспедиции 1897. – Вып. 4. – С. 1–14.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 174 с.
- Сайнжаргал, Шаралдай.** Алтан ордны тайлга [Совершение жертвоприношений в Золотой ставке]. – Бээжин: Үндэстний Хэвлэх Үйлдвэр, 1983. – 470 с. (на монг. яз.).
- Семейная обрядность** народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
- Сэр-Оджав Н.** Хүл Тегины булшнаас олсон хүн чулууны толгой [Каменная голова из погребения Кюль-Тегина]. – Улаанбаатар: Эрдэм Шинжилгээний Хэвлэл, 1959. – 8 с. (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; T. 1, f. 6).
- Сэр-Оджав Н.** Эртний түрэгүүд [Древние тюрки]. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1970. – 116 с. (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; T. 5, f. 2).
- Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 194–206.
- Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168–184.
- Худяков Ю.С.** Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. – 120 с.
- Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.** Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 85–94.
- Хэрээд, Шаралдай.** Чингисхааны онгон шүтээний тайлга тахилга [Обряд жертвоприношения на святилище Чингисхана]. – Улаанбаатар: Урлах эрдэм, 1999. – 260 с. (на монг. яз.).
- Энхтур А.** Шинээр олдсон хашлага чулуун онгоны тухай. [О новонайденной каменной оградке] // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: “Жинст харгана” ХХК, 2003. – С. 84–92 (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; T. 21, f. 9).
- Ядринцев Н.М.** Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году // Сб. тр. Орхонской экспедиции. – 1892. – Вып. 1. – С. 51–111.
- Chiodo E.** Praising Cinggis Qayan and his Campaigns // Ural-Altische Jahrbuch. – 2001–2002. – Bd. 17. – S. 189–233.
- Heikel A.** Inscriptions de l’Orkhon recueillies par l’expédition finnoise 1890. – Helsingfors, 1892.
- Jisl L.** Vyzkum Kulteginova pamatniku v Mongolske ludove Republice // Archeologicke Rozhledy. – 1960. – T. 12, N 1. – P. 86–115.
- Jisl L.** The Orkhon Turks and problems of the Archaeology of the Second Eastern Turk Kaghannate: Annals of the Napstek Museum. – Praha, 1997. – 112 p.
- Lacoste B., de.** Au Paus Sacre des Ancient Turks et des Mongols. – P., 1911.
- L’Asie des steppes d’Alexandre le Grand a Gengis Khan.** – P., 2000. – 202 p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi albumu:** (Album of the Turkish monuments in Mongolia) / TİKA. Hazirlayanlar Osman Fikri Sertkaya, Cengiz Alyilmaz, Tsendiyn Battulga. – Ankara: Can ofset Hatbaa cilik, 2001. – 357p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi 2000 yili calismalari:** (Work for the project Turkish monuments in Mongolia in year 2000) / TİKA. – Ankara: Ayd ogdu ofset Matbaa ve Ambaaj Sanayitic ltd. 2002. – 257 p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi 2001 yili calismalari:** (Work for the project Turkish monuments in Mongolia in year 2001) / TİKA. – Ankara: Semih ofset Matbaa cilik s.e.k. yayincilik ve ambalaj San. tic. ltd. Sti. 2003. – 487 p.
- Provisional report** of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. – Osaka: The Society of Central Eurasian studies, 1999. – 292 p.
- Sagaster K.** Ein ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // Zentralasiatische Studien. – Wiesbaden, 1993. – Bd. 23. – S. 145–151.
- Tryjarski E.** The present state of preservation of old Turkic relics in Mongolia and need for their conservation // Ural-Altische Jahrbuch. – 1966. – Bd. 38. – S. 158–173.
- Tryjarski E.** On the Archaeological Traces of Old Turks in Mongolia // East and West. – Rome, 1971. – Vol. 21, N 1/2. – P. 121–135.